

(Окончание. Начало на стр. 1)

ДОКТОР ШЛЯГЕР

Тверская, 13 - 2002 - 13 июня - с. 12

А я был москвич, да еще с университетским гуманитарным образованием. (Добрынин окончил отделение теории и истории искусств исторического факультета МГУ. - С.С.) Старорежимных идеологов смущала и моя внешность - современный, уверенный в себе парень, с гитарой и шевелюрой. И главное - я был только автором, но не исполнителем собственных песен. На художествах относительно меня возникал вопрос: а зачем ему все это надо? У человека есть прекрасное образование, специальность, а он пишет какие-то песенки!

- А что вам как композитору вменяли в вину: легковесную тематику песен, неверные гармонии, примитивизм?

- Причин недовольства моими песнями никто никогда не объяснял. Резюме было весьма лаконичным: недостаточно ценное произведение, не рекомендовано для исполнения. Все. Здесь ситуация была такая же, как сегодня с получением визы в Америку: могут дать, а могут не дать, без мотивировок. Кстати, для себя я отметил любопытную деталь: в тех художествах заседали в основном композиторы с фамилиями на -ский и -кий: Колмановский, Богословский, Флярковский, Аедоницкий, Иорданский и другие. Конечно, это корифеи песни, но нас они невероятно раздражали неприятием всего нового, что не укладывалось в их сознании.

...Первые уроки музыки Слава получил дома, у частных учителей. В 7 лет параллельно с общеобразовательной школой пошел в музыкальную. Выбор музыкального инструмента был, однако, нелегким. Слава пробовал играть и на скрипке, и на фортепиано, и на виолончели, но в итоге остановился на... баяне.

- Учился я в школе-одиннадцатилетке №5 при Академии наук, - вспоминает Добрынин. - Сидел за одной партой с сыном академика Ландау. В одном классе со мной учились дети многих советских корифеев науки - академиков Сказкина, Топчиева, Несмеянова, Христианович, Панкратовой... А я ученым стать не захотел, зато стал музыкантом, о чем и не жалею. По окончании музыкальной школы поступил в музучилище им. Октябрьской революции, где окончил сразу два отделения - дирижерско-хоровое и народное (по классу баяна). У меня были возможности заниматься всем сразу, что я с удовольствием и делал.

- А потом, едва поступив в МГУ, безотчетно влюбился в «Битлз»!

- А как в них было не влюбиться? Это же целая революция в музыке! Не скрою, я старался всячески подражать своим кумирам - носил такие же брюки и пиджаки, стригся под «грибок», а потом и вовсе отстрил патлы, пел знаменитые битловские песни и даже сочинял собственные в их стиле. Конечно, после первого курса меня чуть было не выгнали из университета, и вскоре я перевелся на вечернее отделение. Мне было очень неловко перед своими сокурсниками: они учились, грызли гранит науки, а я ездил по «ночникам» (так назывались тогда ночные кафе), играл на гитаре и был жутко популярен в студенческой среде (тогда же начинали Градский, Айзеншпис, Малежик и многие другие). Тогда-то и созрела идея взять себе псевдоним.

- Свою нынешнюю фамилию?

- Нет, что вы! Ее я унаследовал от матери. А одним из моих псевдонимов был Гордеев.

- А почему вы не взяли фамилию отца? Он, кажется, был армянин?

- Да. Но дело в том, что моя мама с отцом практически не жила. Познакомились они на войне, он был военным, а мама работала при штабе маршала Рокоссовского - была и медсестрой, и портнихой. Они сочетались полевым браком, а после победы мама уехала в Москву, где потом родился я, а отца отправили на Дальневосточный фронт - добивать японскую (Квантунскую) армию. После войны он уехал в Армению и мало интересовался делами прежней семьи. Только много позже,

когда я уже стал известным композитором, он захотел увидеть меня. (На самом деле за этой историей кроется маленькая тайна, которую Вячеслав пока не хочет раскрывать. - С.С.)

- А чем закончилась ваша карьера историка-искусствоведа?

- Она предельно кратка: написал несколько журнальных статей, и все. Однако это образование мне, безусловно, очень помогает, поскольку мне приходится весьма часто общаться со слушателями, журналистами и остроумно отвечать на заковыристые вопросы. Когда я учился на искусствоведа, то проводил экскурсии в Пушкинском музее, успел поработать даже в Третьяковской галерее и, разумеется, научился чувствовать настроение аудитории.

...В 1968 году Добрынин совершенно случайно познакомился с Павлом Слободкиным, который тогда только только набирал музыкантов в группу «Веселые ребята», через которую в дальнейшем прошли многие известнейшие представители отечественной поп- и рок-музыки. Слава принял участие в записи первого в СССР «миньона», куда вошли ставшая популярной песня «Алешкина любовь» и две композиции «Битлз» с текстами на русском языке (вокалистом выступил Леонид Бергер). Успех был огромен. «Веселых ребят» стали активно приглашать на гастроли, однако Вячеслав ездить с коллективом, увы, не мог.

- Меня не пускала мама, которую я очень любил. Она говорила: «Сначала окончи институт». Я не смел ее ослушаться и... продолжал играть в московских кафе. Саша Градский считал меня лучшим Джоном Ленноном в Москве. Я ходил жутко гордый.

- Что не помешало вам, однако, устроиться вскоре гитаристом в знаменитый джазовый оркестр Олега Лундстрема...

- Это была прекрасная школа. Мне необходимо было научиться искусству аранжировки, многим другим чисто профессиональным вещам. В этом оркестре собрались тогда лучшие саксофонисты, барабанщики, трубачи со всего Союза. Кроме того, я руководил популярным вокально-инструментальным квартетом «Лада», который со временем вышел из состава лундстремовского оркестра и стал самостоятельным коллективом.

- Вы помните свои первые хиты?

- Один из них был на стихи Владимира Харитоновна «У нас, молодых...» («Наши руки не для скуки»), написанный для ансамбля «Самоцветы». Песня была безумно популярна среди бойцов студенческих стройотрядов. Новые ВИА тогда появлялись, почти как грибы после дождя, и вскоре мои сочинения запели и «Голубые гитары», и «Веселые ребята», и «Верные друзья», и многие другие коллективы. Это были песни «На земле живет любовь», «Сны», «Если будем мы вдвоем», «Ох, эти танцы» и др. В 1974 году на гибкой грампластинке фирмы «Мелодия» впервые была издана моя песня. Выбор пал на «Я вас люблю» в исполнении Льва Лещенко. Эту же композицию спели потом Вадим Мулерман и Алла Пугачева.

- Как же певцы «делили» одну и ту же песню между собой?

- Видите ли, тогда никто ни с кем не рядился: это твоя песня, а это моя, и не трогай

Ирина КАЛЕДИНА

ее! Одну и ту же вещь могли исполнять одновременно несколько групп или певцов. Негласное правило было такое: если какая-либо песня нравится слушателям в зале, со сцены ее может петь кто угодно.

- Ваши опусы с трудом проходили художества, но ведь у вас в годы застоя были и песни патристического звучания - «Родная земля», «Комсомол - моя судьба», которые шли в фарватере тогдашней идеологии...

- Дело доходило до смешного. Песню «Родная земля» поначалу приняли, хотя и сдержанно, и Лев Лещенко в 1976 году исполнил ее на очень популярном тогда международном фестивале в Сопоте (правда, он ездил в качестве гостя). Песня понравилась и стала популярной, ее даже хотели включить в финал «Песни года», но в последний момент тогдашний председатель запели и «Голубые гитары», и «Веселые ребята», и «Верные друзья», и многие другие коллективы. Это были песни «На земле живет любовь», «Сны», «Если будем мы вдвоем», «Ох, эти танцы» и др. В 1974 году на гибкой грампластинке фирмы «Мелодия» впервые была издана моя песня. Выбор пал на «Я вас люблю» в исполнении Льва Лещенко. Эту же композицию спели потом Вадим Мулерман и Алла Пугачева.

- Как же певцы «делили» одну и ту же песню между собой?

- Видите ли, тогда никто ни с кем не рядился: это твоя песня, а это моя, и не трогай

- Потом я написал еще две гражданские песни - «Прости, Земля» и «Земля - наш дом». Вот тогда уж за меня вступились разные организации, комсомольские боссы, было много дискуссий, и в результате за эти три песни мне была присуждена премия Ленинского комсомола.

...В 1973 году в личной жизни музыканта произошло важное событие: он женился на девушке Ирине, с которой встречался уже несколько лет. В 1978 году у супругов родилась дочь Катя. Однако вскоре этот брак распался. Какое-то время Добрынин был одним из тех, кто жил в матери (которая, по словам композитора, ревновала его ко всем женщинам сразу), а потом увлекся певицей из ансамбля «Красные маки». Правда, этот роман тоже не был продолжительным. В 1983 году Вячеслав вновь женился: на этот раз на подруге жены известного футболиста из «Динамо» - команды, за которую всегда страстно болел. Девушку тоже звали Ириной. Впрочем, любовь не помешала композитору выпускать все новые и новые шлягеры, а в 1986 году он отвалился даже... запеть.

- Это произошло совершенно случайно. Вместе с поэтом Симоном Осиашвили мы написали песню «Спасатель». Для телепрограммы «Шире круг» ее должен был записать Михаил Боярский. Однако приехав из Ленинграда Миша вовремя не смог, а у нас уже была арендована студия, а через три дня - съемки на ТВ. И тогда все решили, что петь должен... я. Эта мысль поначалу показалась мне дикой - я никогда раньше не пел своих песен. Но потом подумал: а почему бы и нет? К тому же тогда я был едва ли не единственным непоющим композитором на нашей эстраде. В общем, я решил записать своего «Спасателя», причем сделал это с первого дубля. Дальше - больше. На меня надели матроску, фуражку, отправили на лодочный пруд в парк Горького и в таком виде сняли на пленку. Что вы думаете? После показа программы по ТВ меня просто завалили мешками писем. Такого их количества я не получал никогда в жизни. Люди писали теплые слова, благодарили и просили продолжать «певческие опыты».

- Вы считаете их профессионально успешными?

- Что касается пения, у меня есть на это свой взгляд. Я не пою. Поют в «Ла Скала», поет Паваротти, поют Кобзон, Лещенко, Пугачева, а я ИСПОЛНЯЮ песни. Есть такие жанры: авторская песня, бар-

довская песня и т. д. Настоящее пение - дело серьезное. Это голос, это бельканто, это дар Божий.

- А как вы отнеслись в свое время к зубодробительной критике вашего шлягера «Не сыпь мне соль на рану!»?

- Отнюдь не равнодушно. Эту песню я написал шутом. Симон Осиашвили чувствовал, что именно эти слова принесут успех. Кич в жизни и кич в искусстве - почти одно и то же. Первым исполнителем шлягера должен был стать Николай Расторгуев. Но он позвонил и удрученно сказал: «Я не могу, я не в форме». Честно говоря, я и сам не хотел петь, хотя в будущем успею «Соли на ране» не сомневался. Меня только мучила мысль, что из-за нее я стану комическим героем анекдотов, хохм и фельетонов в газетах. Так оно и вышло. Правда, друзья потом успокаивали: «Не переживай, ведь победителей не судят!»

- В начале перестройки многие российские композиторы, в частности Резников, Матецкий, Николаев и Кузьмин, ездили в Америку показывать свои песни тамошним продюсерам и аранжировщикам с целью дальнейшего сотрудничества. А вам, кажется, пришлось не по душе эта затея?

- Меня позвали в эту поездку одним из первых, но мне хватило ума отказаться, потому что я был уверен: эта идея уже сама по себе обречена на провал, за ней ничего не последует. Молодым авторам это, наверное, было интересно, да и терять им нечего, а у меня уже было прочное положение на российской эстраде, и мне не хотелось размениваться. Убежден: лучше быть королем в деревне, чем деревенским в королевстве. Впрочем, у меня есть и другая сентенция: «От добра добра не ищут».

- Вы считаете, наша песня не может быть конкурентоспособной на Западе?

- В общем, да. Наша музыка никому там не интересна, и тому есть много причин, одной из которых было существование железного занавеса. Правда, где-то в 1977 - 1978 годах одна моя песня все-таки вышла на международный уровень. Один из продюсеров западногерманской фирмы «Полидор» Ганс Сикорски присутствовал на фестивале грамзаписи в Каннах и обратил внимание на пластинку «МИДЕМ-76». Редактором ее был В. Рыжиков, который всю жизнь проработал на фирме «Мелодия» и сделал

практически всех наших звезд, включая меня. Так вот, на пластинке среди прочих была и моя песня «Все, что в жизни есть у меня». Она-то и понравилась продюсеру. Прислушав только 8 тактов песни, он сразу понял, что из нее можно сделать международный хит. У Ганса вообще есть любопытная теория, что если после первых тактов песня не воспринимается как хит, то из нее уже ничего нельзя сделать, это уже не песня. В общем, дело завертелось, меня впервые представили очень серьезному человеку, и через некоторое время в Англии дуэт «Питерс энд Ли» исполнил мою песню на английском языке. В этом варианте она называлась «Love» и попала, кажется, на 7-е место лондонского хит-парада.

- С ума сойти! Вы, вероятно, заработали приличную сумму в долларах?

- Как бы не так! На мое имя продюсер перечислил 10 000 долларов, но ВААП (агентство по авторским правам) выплатило мне из них лишь... 300 и то не наличными, а в сертификатах, которые можно было отоварить только в магазине «Березка».

- Как отреагировали на ваш успех коллеги в СССР?

- Давид Тухманов, например, признал, что я первый из советских композиторов добился столь значимого успеха за рубежом. Правда, был и курьезный случай. Поэт Игорь Кохановский, побывавший тогда в Англии и конечно же много раз слышавший там песню «Love», позвонил мне в гнев и выпалил: «Засранец! Что ты себе позволяешь? Ведь знаешь, откуда слямзил свою «Все, что в жизни есть у меня»? Она в Лондоне на каждом шагу звучит». Я сначала сказал, что ничего не знаю, ничего не слышал, а потом рассказал все как было. Игорь просто ошалел.

...Популярность Добрынина все более набирала обороты. Начав сольную карьеру, он много гастролирует у нас и за рубежом, выступая в основном перед русскоязычной аудиторией Европы и Америки. В 1990 году фирма «Мелодия» за пластинки «Синий туман» и «Колдовское озеро», вышедшие тиражами по 7 млн. экземпляров, вручила музыканту «Золотой диск». В сентябре 1998 года на «Площади звезд» у столичного ГЛКЗ «Россия» была заложена именная плита Вячеслава Добрынина. В финальных концертах телефестиваля «Песня года» в течение 20 лет прозвучало не менее 40 песен композитора.

- Интересно, а как вы ладите со своими конкурентами - Юрием Антоновым например?

- Нормально ладим. У каждого из нас есть своя публика, аудитория. Нам нечего делить. Что же касается всяких разговоров о том, что мы ненавидим друг друга, не общаемся и никогда не войдем вместе в одну примерку, то это полная чушь. Есть довольно много фотографий, где мы с Юрием вместе. Просто он по природе своей достаточно закрытый человек и, я сказал бы, не душевно расположенный. Может быть, от этого и идут все эти нелепые слухи.

- А что за размова случилась у вас в свое время с Аллой Пугачевой?

- Да ничего такого не было. Мы познакомились с Аллой еще в начале 70-х, когда она пришла в оркестр Олега Лундстрема. Мы много общались, часто бывали друг у друга дома. Я познакомился с ее родителями, она - с моей невестой Ириной. Уже тогда было ясно, что у Аллы прекрасные перспективы на будущее. Я написал для нее несколько песен, в том числе «22+28», «Эй, мушкетеры!», которые она исполняла с большим успехом. Но потом наши пути, к сожалению, разошлись. Так получилось, что песню «Я прощаюсь с тобой» на стихи Вероники Тушновой я предложил двум певицам - Пугачевой и Ротару. А когда Алла узнала, что она не единственная исполнительница этой песни, ей это не понравилось, и «Я прощаюсь с тобой» она больше не пела. Однако человеческие, дружеские отношения у нас никогда не прекращались.

- Кстати, кто по профессии ваша жена?

- Ирина - архитектор. Правда, с некоторых пор я осваиваю ее от этой работы. Можно сказать, она стала архитектором нашего счастья. По проекту Иры, например, построен наш дом в Рузье, в Подмосковье.

- А чем занимается дочь Катя?

- Она актриса. После окончания ВГИКа, где, кстати, училась у Алексея Баталова, Катя засветилась в четырех лентах: сериале «Клубничка» (сыграла роль модели), фильмах «Поворот ключа» и «Тонкая штука», а также в картине «Расставаясь с Москвой», снятой ее мужем, с которым она познакомилась еще в институте (в апреле 1999-го они расписались). В этом фильме, кстати, звучит моя музыка. А Катинного мужа зовут Шейн Маггафи, он американец, ирландского происхождения, отличный парень. Живут они в Москве. В сентябре позапрошлого года у меня родился внучка Соня. Так что я - счастливый дедушка.

Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ

